

© И.В. Кузнецов

**Об Александре Гольденвейзере,
боасовской антропологии
и книге С.А. Кана. Рецензия
на книгу: Kan S. A Maverick
Boasian: The Life and Work
of Alexander A. Goldenweiser.
Lincoln: University of Nebraska
Press, 2023.**

Творчество и судьба Александра Александровича Гольденвейзера (1880–1940), исследованные в книге Сергея Кана, вышедшей пару лет назад в серии «Critical Studies in the History of Anthropology», являют собой примеры уникальные среди прочих российско-американских встреч в истории антропологии. Из российских эмигрантов, имея в виду, разумеется, еще и Татьяну Прокуриакофф, Ивана Лопатина, Джона Мурру и пр., никто не поднимался так высоко в иерархии классиков американской антропологии, как Гольденвейзер, прочно занявший свое место в пятерке первых и наиболее прославленных учеников Франца Боаса наряду с Алфредом Крёбером, Робертом Лоуи, Полом Радином и Эдуардом Сэпиром.

Киевлянин по рождению «Шура», как знали Гольденвейзера в его ближайшем русском окружении, «Goldie», как называли его американские коллеги, был отпрыском известного, разветвленного русско-еврейского, иудео-христианского рода, объединяющего в наши дни еще и Софиано, Чегодаевых, Гершензонов. Среди родственников Александра, оставшихся на родине (в Америку уехал лишь он с обоими своими братьями), значатся народный артист СССР, лауреат Сталинской премии, пианист А.Б. Гольденвейзер и даже академик А.Д. Сахаров, крестник жены последнего.

Вполне естественно, что Сергей Кан, сам будучи выходцем из СССР, никогда не рвавшим узы с российским научным сообществом, особо интересуется именно этнокультурной идентичностью своего героя, его связями с Россией

Кузнецов Игорь Валерьевич – к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Кубанского государственного университета, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, e-mail: igorkuznet@gmail.com; <http://orcid.org/0000-0002-6947-244X>

Для цитирования: Кузнецов И.В. Об Александре Гольденвейзере, боасовской антропологии и книге С.А. Кана. (Рец. на Kan S. A Maverick Boasian: The Life and Work of Alexander A. Goldenweiser. Lincoln: University of Nebraska Press, 2023) // Антропологии/Anthropologies. 2026. No 1. С. 155–183, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2026-1/155-183>

и отношением к «домашним» делам. Этот интерес накладывает рельефную печать на всю книгу, но больше всего виден в первой главе («The Russian Beginning and the Early American Years»).

Надо сказать, что в своих наблюдениях автор опирается не только на документы из широко доступных американских собраний (библиотек Американского философского общества и Чикагского университета, Библиотеки Банкрофта Калифорнийского университета в Беркли и др.). Он также обильно ссылается, что называется, на эксклюзив: на письменные свидетельства брата «Шуры», адвоката Алексея Александровича Гольденвейзера (1890–1979), чьи бумаги сохранились в Бахметьевском архиве Колумбийского университета; на переписку Александра Гольденвейзера с собственной дочерью Элис Рослин/Розалинд (пользуясь возможностью, выправляю даты ее жизни: 5.06.1913–30.12.2003, см. Ancestry.com), как и на семейные архивы внучки антрополога Лесли Инглиш и Эллен Дэйвис — внучки другого его брата Эммануила Гольденвейзера (1884–1953), крупного экономиста, дослужившегося до начальника отдела в Федеральной резервной системе США.

Важное уточнение — Александр Соломонович (1855–1915) и Софья Григорьевна (ум. 1926, в девичестве Мунштейн), просвещенные родители «Шуры», как и он сам, принадлежали к состоятельному слою, которому высокая западноевропейская и русская культуры казались ценнее идиша и обременительных еврейских традиций (*Kan* 2023: 11). Эта тонкость, если разрабатывать ее вглубь, помогла бы точнее привязать объект исследования к тогдашней нью-йоркской топографии и определенно бы прояснила, почему ему уютнее было в компании не соотечественников, а пережившихся ассимилированных семей из *Deutsche Sprachraum* — Боас был женат на немке-католичке, Крёбер — наоборот, на еврейке (первым браком), Лоуи слыл вообще откровенным германофилом. Последний, с которым Гольденвейзер по-настоящему дружил, правда, затем разругался, что называется, по собственной дурости, как-то бросил такую фразу: «То, что он, Радин, Крёбер и я чувствуем близость, <...> означает, что, несмотря на все различия <...> нам не нужно искать общий язык в компании друг дружки, как если бы мы столкнулись с ботокудами или андаманцами или полуграмотными молодыми антропологами» (*Ibid.*: 18).

Эти последние исторически ассоциировались с respectable кварталами Малой Германии, а затем подтянулись к манхэттенским улицам, с 50-й по 90-ю. Идишеговорящие же выходцы из Российской империи, как правило, беднота, осели в Нижнем Ист-Сайде. Из них тоже выйдут яркие представители так называемой исторической школы (школы Боаса), такие как Мелвилл Херсковиц, Бернард Мишкин, Рут Ландес и Джин Уэлтфиш, но в следующем поколении их семьям надо было преодолеть еще многие невидимые барьеры.

Границы «соседств» диктовали личные конфигурации и политические предпочтения обеих групп. Мы знаем, что в Киеве семья Гольденвейзеров проживала на Рейтарской, «профессорской улице», всего-то через десяток домов от М.А. Булгакова. Дочь же Гольденвейзера жила и умерла в Джамейке (боро Куинс), вдали от тихих кафе, пентхаусов с решетчатыми лифтами и швейцарами, а также антикварных лавок Парк-авеню. Где же начинался и заканчивался Нью-Йорк самого «Голди»? Средний класс или чуть выше в Екатеринославе, Киеве и в «Большом Яблоке» — не одно и то же. И это об-

стоятельство могло стать далеко не последней причиной фиаско, постигшего в конце концов Гольденвейзера в его продвижении по социальной лестнице. Во всех отношениях вырисовывающиеся здесь «габитусы» объясняют больше, чем просто экскурсы в историю, политику и экономику, которых в книге предостаточно, но порой они бьют мимо цели.

Перебравшись же в Нью-Йорк (1901), после неудачной попытки закрепиться в Бостоне, «Голди» начинал эталонным иммигрантом, и окружающие знали, «...что у него были трудности с такими современными технологическими устройствами, как пишущая машинка и автомобиль» (Ibid.: 12; cf. *Dobbin* 1986: 5). Это почти буквально повторяет характеристику приехавшего из Лодзи Радина, который боялся всего, включая полицию, так и не научился печатать на машинке и водить машину и терялся, в какую сторону крутить газовый или водопроводный краны (*Diamond* 1981: 74). Какое-то время Гольденвейзер, добившийся американского гражданства только в 1936 г., пытался даже вести жизнь на две страны, вернувшись в Россию (1907) для прохождения военной службы в привычном для еврея качестве вольноопределяющегося (Кан 2023: 15, 146). Уже гораздо позже, в Сан-Франциско, Лоуи наблюдал его в русском ресторане, «заговаривавшего по-русски со всеми официантками, с восторгом поедавшего пылающий бефстроганов и подпевавшего народным наигрышам и балалайке» (Ibid.: 154).

В целом для Кана его герой — типичный представитель «интеллигенции» в интернациональном смысле изначально русского явления. Как однажды написал о Гольденвейзере лауреат Пулицеровской и Нобелевской премий Сол Беллоу, недолгий студент антрополога по Висконсинскому университету в Мэдисоне, это был

...[и]деальный космополит, идеальный интеллект. Он знает Пикассо так же хорошо, как религию цимшиан, Моцарта, как Бастиана, томизм, как Полинезию. Вам следовало бы увидеть книги, которые стоят на его полках. Рядом с Крёбером стоят Сидни Хук и Ленин и, конечно, множество брошюр Троцкого. Он может открыть семинар и час обсуждать антропологические размышления Элизе Реклю, анархистского географа, большого друга Кропоткина. Он — пианист-виртуоз, эстет, большевик, глубоко культурный человек (Кан 2023: 150; cit.: *Taylor* 2010: 9).

Кстати, в этой, как и в некоторых предыдущих работах автора (см., к примеру, Кан 2021), чувствуется, что в оценке общественно-политических взглядов боасовцев (но не Гольденвейзера), в общем-то (лево-)либеральных, едва ли социалистических и тем более не просоветских, он определенно поддался ревизии, начатой такими историками, как Питер Кузник (русскому читателю известен как соавтор, вместе с Оливером Стоуном, встреченной на ура «Нерассказанной истории США»).

Вообще же всякого рода партийным различиям и нюансам в книге, как сказано, отведено значительное место. Например, глава 4 о завершающем в жизни «Голди» орегонском десятилетии, уже после личной катастрофы, окончательно вынудившей его покинуть Нью-Йорк, начинается пятистраничной вставкой о 1930-х годах в целом, и только лишь для того, чтобы сделать

вполне очевидный вывод о том, что «...не вступая ни в одну политическую партию или движение, он продолжал критиковать крайности американского капитализма, отвергая марксизм и коммунизм и выявляя сходства между фашистской и сталинской диктатурами» (*Kan* 2023: 144–145).

Но и углубленный анализ тогдашней экономики и политики не уберег Кана пусть от незначительных, но все же пережестов как в одну, так и в другую сторону. Упомянув о левоориентированных (*left-leaning*) и либеральных журналах, в которых Гольденвейзер и особенно Лоуи предпочитали публиковаться, он перечисляет: «*The New Republic*», «*Liberal Review*», «*The Freeman*», «*The Dial*» и «*New Masses*» (*Ibid.*: 17). Но выражено либертарианский «*The Freeman*», как и «*The Dial*» Эзры Паунда, Т.С. Элиота и иже с ними, вряд ли назовешь сочувствующим левым, а, напротив, марксистский «*New Masses*» — журнал, тесно связанный с компартией США, точно не либеральный. Правда, на другой странице истина торжествует, и «*New Masses*» объявляется уже «главным радикальным голосом» (*Ibid.*: 82).

При этом, настаивает автор книги, Гольденвейзер, безусловно, был настроен антисоветски. Удивляет лишь то, что на данное обстоятельство не отреагировала привычным образом советская историография: Ю.П. Аверкиева не пишет ничего язвительного о русском эмигрантском ученом, просто используя его полевые данные, в частности описания Лиги ирокезов (см.: *Аверкиева* 1974: 233–234, 236–237); а С.А. Токарев даже благосклонно признает, что общая боасианская позиция американского коллеги «не мешала ему делать интересные и содержательные обобщения в изучении явлений культуры» (*Токарев* 1978: 265). Не исключено, что «Шуру» просто спасло, что он так никогда и не написал книгу «*The Present Situation in Russia and Its Economic and Social Background*», о чем грозился еще в 1918 г. (*Kan* 2023: 72). Кроме того, добрую память определенно должно было оставить его посредничество в российско-американских научных контактах. Он сыграл примерно ту же роль, которую после его смерти выполнял Роман Якобсон (про антикоммунизм и доноительство последнего в годы маккартизма тоже не ведали в Москве). Так в годы Джесуповской экспедиции Гольденвейзер переводил на английский В.Г. Богораза и В.И. Иохельсона (*Ibid.*: 16; или только Иохельсона, поскольку Богораз все-таки писал по-английски?), а затем приступил к переводу «Гилияков» Л.Я. Штернберга (*Ibid.*: 72) — работе, которую потом продолжила Аверкиева, а завершил через много лет Брюс Грант (*Grant* 1999).

***

Редакторы серии Регна Дарнелл и Роберт Оппенхейм объясняют пионерский характер книги Кана языковыми трудностями, способными отпугнуть его потенциальных предшественников. Ведь Гольденвейзер оставался «русским интеллектуалом на протяжении всей своей жизни», что потребовало бы от всякого, кто возьмется за тему, владения соответствующим языком для чтения необходимых источников. Другой причиной явного невнимания к этой замечательной фигуре мог послужить сигнал, вольно или невольно поданный самим Боасом, фактически поставившим крест на своем ученике, растратившем из-за недисциплинированности огромный потенциал. Масла в огонь подлила и Маргарет Мид, уличавшая «Голди» в склонности к теоретизированию в ущерб полевой работе (*Kan* 2023: xi), основательностью и тщательностью которой так гордились боасовцы. Как раз опровержение этих оценок составляет второй важный интерес Кана.

Иронично, что в итоге у читателя все-таки складывается впечатление, что в словах Боаса и Мид имеются зерна истины. Действительно, весь полевой опыт «Голди» (см. главу 2 «*Early Scholarship, the Iroquois Fieldwork, and Columbia*») сводится к коротким сезонам (7 месяцев в 1911–1912 гг. и 2,5 месяца в 1913 г.) работы в составе Канадской геологической разведки под руководством Сэпира (Кан пользовался неизданными полевыми дневниками Гольденвейзера в редакции Уильяма Фентона: *Fenton n. d.*). Объектом изучения для «Голди» стали ирокезы из резерва Шести наций близ Брантфорда (пров. Онтарио). А основным информантом ему служил вождь сенека и лидер традиционалистов Артур Джон Гибсон (Сканйадаи'ийо).

Правда, характеризуя в ходе изложения властные институции ирокезов, Кан допускает неточность: «...[в] отличие от своего американского двойника, канадская Лига контролировала лишь один резерв — факт, который привел к ее уникальной адаптации в качестве муниципального управления» (*Can 2023: 27*).

В действительности, после разгрома в ходе кампании генерала Дж. Салливана (1779) Лига ирокезов сохранялась как политическое целое не на исторических землях в штате Нью-Йорк, а только в упомянутом канадском резерве на р. Гранд-ривер, среди потомков переселившихся туда роаялистов Джозефа Бранта (Тайендангеа).

Выясняется, что Гольденвейзер вынашивал планы написать большую книгу об ирокезах, продолжить свои полевые исследования в других местах, даже на Северо-Западном побережье, но опять-таки ничего не реализовалось. Ученый тянул с отчетами, потом разразился скандал — он связался с ирокезкой из влиятельной христианизированной семьи, ездил с ней в Торонто, водил ее в оперу, что шокировало элиту резервации, состоявшую из англикан и баптистов строгих моральных устоев. Последние пожаловались в городской совет и суперинтенданту, а тот — в Оттаву, где Управление по делам индейцев потребовало от Национального музея отозвать своего полевого исследователя, что и сделал Сэпир (*Ibid.: 42–43*).

Не стоит упускать из виду, что ирокезские данные «Голди» обладают стратегическим значением, поскольку и теперь еще неотделимы от ранних эволюционистских теорий, так воодушевивших классиков марксизма и отечественную науку. Уже его докторская работа была посвящена проблеме тотемизма, и заманчиво проследить, повлияло ли погружение антрополога в полевые исследования, пусть даже не слишком продолжительные, на переоценку теории, сформулированной до этого в кабинетных условиях. Кан утверждает, что «...полевые исследования заставили его переосмыслить свою модель тотемизма, развитую в диссертации и серии статей, опубликованных в 1910-х годах, и заключить, что ирокезская система не соответствует паттерну тотемизма, который он установил на основе библиотечного изучения» (*Ibid.: 41*).

Новая концепция тотемизма, или, как определяет ее Уоррен Шапиро, «боасовская деконструкция викторианских теорий тотемизма», последовательно проведенная на обширном материале, — возможно, самый яркий научный вклад российско-американского антрополога (*Ibid.: 41; cit.: Shapiro 1991: 601*). Если принимать собственное определение Гольденвейзера, то в «тотемиче-

ском комплексе» не следует видеть ничего более, чем просто «тенденцию определенных социальных единиц ассоциироваться с объектами и символами, имеющими эмоциональную ценность» (*Goldenweiser* 1910: 275). И уж точно феномен напрямую не связан ни с экзогамией, ни с (материнской) клановой системой, поскольку «клановая экзогамия, которая часто встречается в сочетании с тотемами, табу и др., отнюдь не всегда, однако, ассоциирована подобным образом» (*Ibid.*: 231).

В диссертации рассматриваются примеры преимущественно Северо-Западного побережья и австралийский, но об ирокезах в ней тоже говорится в пяти местах, а именно: отмечается, что конкретно для этих племен чуждо вести происхождение от животных-эпонимов (*Ibid.*: 253); что тотем для них не является ничем кроме имени, и никаких ограничений не накладывается на людей-представителей эпонима (*Ibid.*: 256); что тотем у ирокезов — это всего лишь название группы людей, которые признают себя более или менее смутно связанными между собой (*Ibid.*: 260); что религиозный элемент в ирокезском «тотемизме» сведен к нулю, и опять-таки тотем здесь — ничего более, чем знак (*badge*) или имя (*Ibid.*: 269); и, наконец, что ирокезы никакого эмоционального значения не придают тотему (*Ibid.*: 274, note 1). И так, соответствует ли «ирокезская система» «паттерну тотемизма»? Безусловно, нет. Но добавили ли что-либо к этой максиме полевые данные? Скорее тоже нет, чем да. Для пущей убедительности обратимся к цитате из итоговой части отчета Гольденвейзера о проведенных им в Канаде полевых исследованиях:

Перейдем к более фундаментальному вопросу. Составляла ли социальная система ирокезов тотемический комплекс? На этот вопрос следует дать отрицательный ответ. Процессы специфической социализации «тотемических» черт в рамках социальных единиц (кланов — *И. К.*) — процессы, характерные для тотемических комплексов, — не наблюдаются среди этих ирокезских племен; и, судя по имеющимся свидетельствам, не наблюдались они и в прошлом. Даже если данные о резьбе с клановыми животными и об охотничьих обычаях будут признаны релевантными, можно лишь сказать, что зарождающиеся тотемические ассоциации кое-где появлялись среди ирокезов; не занимая никогда, однако, центрального положения, не формируя ядра, вокруг которого могли бы образовывать кластеры дальнейшие тотемические процессы, или иначе, не составляя важного фактора в социальной системе ирокезов (*Goldenweiser* 1914: 372).

В поле «Голди» не нашел ничего такого, что способно было поколебать его прежнее видение, наоборот, собранные данные послужили прекрасным подтверждением его первоначальных идей. Но Кан однозначно прав в другом своем наблюдении. Двадцать лет, как почил в бозе «первооткрыватель» тотемизма Дж.Ф. Мак-Леннан. И ревизия, проведенная 30-летним антропологом из Нью-Йорка, заинтересовала маститых ученых — британских, а затем и континентальных: в 1911 г. Гольденвейзер выступил с соответствующим докладом на заседании секции антропологии (председательствовал У.Х. Р. Риверс) Британской ассоциации содействия развитию науки (*British Association for the Advancement of Science* — *BAAS*); завязалась весьма дружелюбная переписка с Эндрю Лэнгом; благоприятный отзыв о работе заокеанского коллеги написал Э. Дюркгейм; а в 1914–1916 гг. дискуссию о тотемизме продолжил журнал

«*Anthropos*», пригласив поучаствовать в нем «Голди». Одновременно взгляд последнего действительно превратился в (обще)боасовский, поскольку глава исторической школы, опираясь на работу своего ученика, также подтвердил, что единство тотемизма «является субъективным, а не объективным» (Boas 1916: 321).

Удивительно другое, и об этом автор рецензируемой книги тоже пишет: исследование Гольденвейзера проигнорировал А. Р. Рэдклифф-Браун, как и другие подключившийся к дискуссии в венском журнале. Он был близок боасовцам своими рассуждениями, настаивая, с одной стороны, что под тотемизмом надо понимать «особую религиозную связь между определенной социальной группой и одним или несколькими религиозными объектами», а с другой — что термин лишь отчасти покрывает все случаи религиозных ассоциаций общества с миром фауны и флоры. Кроме того, он ставил под сомнение обязательную корреляцию тотемизма и клановой организации (*Radcliffe Brown* 1914: 629–630). Однако имя Гольденвейзера не упомянуто не только в этой, но даже в более поздней работе Рэдклифф-Брауна о тотемизме в Австралии (*Radcliffe Brown* 1931).

Но не могу согласиться с Каном, когда он укоряет в «недооценке основополагающего вклада Гольденвейзера в изучение тотемизма» еще и К. Леви-Стросса (*Kan* 2023: 24), с которым многие связывают сейчас чуть ли не «окончательное» решение проблемы. Как раз последний в своем обзоре «Тотемизм сегодня» несколько раз ссылается на работы «Голди», но, главное, с готовностью признает, что именно с них начало «осуществляться дело дезинтеграции, ныне победившее», и что теоретическое влияние 110-страничной диссертации Гольденвейзера оказалось куда значимее четырех томов Дж. Фрэзера (*Леви-Строс* 1994: 40).

Но вот кто точно практически не откликнулся на деконструкцию тотемизма, так это соотечественники «Шуры» — советские этнографы. Токарев, например, лишь констатировал не без удивления: «Немало шума наделала уже его ранняя теоретическая работа о тотемизме, где он доказывал ни больше ни меньше, что единой проблемы тотемизма не существует, ибо под эту общую категорию подведены фактически совсем разные явления (*Токарев* 1978: 263)».

Аверкиева, сама никогда не работавшая среди ирокезов, просто отмела мнение Гольденвейзера: дескать, из-за пагубного воздействия на ирокезов «почти 400-летней истории их аккультурации, колонизации и жизни в резервациях в окружении капиталистического общества», он и не мог обнаружить представлений о родстве с эпонимными животными и т. д. — того, что якобы застал еще Л. Г. Морган (*Аверкиева* 1974: 197).

Точно также на нее не произвело впечатления другое открытие Гольденвейзера, осуществленное на этот раз непосредственно в поле. Продолжая настаивать на универсальном характере материнско-родовой организации, Юлия Павловна пробовала изобразить овачиру — матрилинейный линидж у ирокезов, о существовании которого Морган, по-видимому, вообще ничего не знал, как кровнородственную локализованную группу или домашнюю общину, подчиненную роду (Там же: 198–199). Хотя ее визави указывал на само-

стоятельную роль линиджей (*maternal family* в терминологии Гольденвейзера), в частности, в наследовании «сахемств». А его самые компетентные информанты могли вообще смешивать линиджи с кланами, притом, что линидж не был тождествен ни клану, ни т. н. длинному дому (*longhouse*), насколько можно проследить в истории (*Goldenweiser 1914: 368–370*).

Поразительно, но, скорее всего, именно тотемизм явился яблоком раздора также и во взаимоотношениях «Голди» с Лоуи. Наш автор посвятил этому сюжету специальное расследование (*Kan 2015*), в книге же ограничился чем-то вроде summary. Итак, начиная с 1911 г., закадычные приятели-антропологи вели внешне вполне академическую полемику вокруг проблемы тотемизма. Причем со временем их позиции становились лишь непримиримее: взамен опровергнутых аргументов выдвигались другие, и так — чуть ли не до гробовой доски. Например, в статье «Форма и содержание в тотемизме» Гольденвейзер вдруг признал, что между экзогамно-клановым устройством (формой) и «тотемным комплексом» (содержанием) все-таки должно существовать органическое соответствие — одно, скорее всего, порождает другое (*Goldenweiser 1918: 295*). И Лоуи почти тут же обрушился с критикой этого вывода, «противоречащего некоторым из наиболее ценных результатов ранних исследований доктора Гольденвейзера» (*Lowie 1920: 144*). Ясно, что противостояние генерировалось чем-то за пределами чистой науки.

Похоже, что Кану удалось обнаружить истоки этой странной ситуации. Разбирая бумаги Лоуи, он обратил внимание на неопубликованную рукопись из Библиотеки Банкрофта, содержащую пространный ответ на вышедшую посмертно работу «Голди» «Недавние тренды в американской антропологии» (*Goldenweiser 1941*), в которой тот давал в общем-то негативную оценку деятельности бывшего друга. По Лоуи (мнение его оппонента доподлинно мы так и не узнаем), конфликт коренился в двух эпизодах. Первый связан с тем, как Роберт откликнулся на упомянутую диссертацию. Несмотря на то что его рецензия (*Lowie 1911*) вышла больше хвалебной, чем критической, все равно, как потом кто-то пересказывал, «Голди» кольнуло уже само название «Новая концепция тотемизма», будто бы свидетельствовавшее, что Лоуи пробует примазаться к его славе. Обстоятельства второго эпизода разберем в деталях, для чего воспользуемся рассказом «обидчика», который Кан воспроизводит в своей более полной публикации о сложном клубке противоречий — Гольденвейзер vs. Лоуи:

Когда в 1904 г. я поступил в Колумбийский университет в возрасте 21 года, я впервые встретил Гольденвейзера, 3,5 годами старше, и уже год как докторанта в антропологии. Интеллектуально и эмоционально он был неизмеримо более зрелым; я попал под влияние его шарма; и примерно до начала 1914 г. нас объединяло то, что я вообразил как идеальную дружбу. Затем открылось, что за моей спиной он обвинял меня в плагиате. Департамент антропологии музея организовал какие-то популярные лекции, и, хотя я не чувствовал особой компетентности в поле социальной организации и не выказывал особого интереса к этому предмету, я выбрал себе в качестве темы принятую американскую позицию о Моргане как об эволюционисте. Понятия не имел, что буду опубликован, но рукопись сейчас же была предложена социологическому, не антропологическому журналу. Гольден-

вейзер прочитал одну из лекций (papers) у меня в кабинете и выразил свое полное одобрение. Тем не менее, теперь он обвинял меня в том, что я вторгся в его владения и украл его гром (победы — *И. К.*) (*Kan* 2015, appendix: 16–17).

У Кана в обеих библиографиях — и в этой публикации, и в книге, отсутствуют упоминания о злополучной работе Лоуи. В книге даже сказано, что речь идет о «статье Лоуи 1915 г.», хотя только что процитированный документ указывает на другую дату — «начало 1914 г.». Установить истину весьма просто. По всему видно, что имеется в виду «Социальная организация» Лоуи, напечатанная в 1914 г. в «*The American Journal of Sociology*». Ссылка в самом начале уточняет, что перед читателем — текст двух из четырех лекций, прочитанных в январе 1914 г. в отделе антропологии Американского музея естественной истории (*Lowie* 1914: 68).

Немного об этой статье. Как и другие работы видного боасовца, она недостойна забвения и по-прежнему остается образцом антропологической критики однолинейного эволюционизма середины XIX в. Лоуи предупреждал с присущей ему иронией, звучащей вполне современно:

[Н]ам надо остерегаться «ложных» законов, которые суть результат не синтеза фактов, а искусственного упрощения путем отбора тех фактов, которые соответствуют фантазиям исследователя. Было бы большим упрощением многих физических вычислений, если бы тела падали с ускорением 10 м в сек., но, как ни парадоксально, они продолжают падать с ускорением 9,81 (*Ibid.*: 97).

И вот вердикт в отношении моргановской социологии (читай — и квазимарксистской советской): «[Б]ыло бы чудно, если бы все племена сначала прошли через неупорядоченную (*loose*) форму организации, затем через клановую (материнско-родовую — *И. К.*), и, наконец, через родовую (*gentile*, отцовско-родовую — *И. К.*); к сожалению, нет никаких доказательств того, что многие из них так и поступают» (*Ibid.*: 97).

Автор «Социальной организации», естественно, сослался и не единожды на Гольденвейзера, которому действительно был обязан своими знаниями по ирокезскому вопросу. По собственному признанию, он «не чувствовал особой компетентности в поле социальной организации» и не ожидал, что его почти еще аспирантская работа выльется во что-то серьезное. «Голди» же скорее похож на ученого, которому не чуждо гейткиперство, — увы, как и слишком многим в нашем сословии, — и которого могло обижать не недостаточное число упоминаний его фамилии в тексте, а именно то, что бывший друг «вторгся в его владения». Но Лоуи не понял всей этической тонкости момента или сделал вид, что не понимает.

Тотемическая эпопея, рассмотренная под углом зрения межличностных отношений, служит наглядной иллюстрацией того, что развитие научного знания, если и кумулятивно, то уж точно не линейно. Пресловутый академический характер, поступательность продвижения к истине, индукция, признаваемая единственно легитимной для научных поисков, вероломно нарушают как сами «светлые умы», конкурирующие друг с другом, так и стражи все-

возможных «культов личности» в их окружении. Существует противоречие, по крайней мере в социальных науках: академическое признание в конечном итоге укрепляет авторитет только избранных «звезд», однако конфигурации приписываемых им открытий по степени своей запутанности гомологичны тем моделям, которые они же сами и отстаивали, непременно критикуя упрощенные схемы предшественников.

***

Но тотемизм — не единственная концепция, оказавшаяся в фокусе Кана и нашего внимания. Не меньше места в книге отведено разбору прочих, более поздних работ и взглядов Гольденвейзера: главы 3-я («The New School, Academic and Popular Writing, and a Devastating Divorce») и 4-я («The West Coast Exile») посвящены соответственно периодам его творчества до и после изгнания из Нью-Йорка. Из всех сочинений, опубликованных «Голди» в 1920-е годы, «вероятно, самым важным» (Kan 2023: 99) назван доклад «Диффузия и американская школа исторической этнологии», прочитанный в Торонто на антропологической секции BAAS, явно с целью утвердить позиции исторической школы (Ibid.: 99; Goldenweiser 1925). Объектами критики в нем последовательно служили постулаты и достижения т.н. школы культурных кругов (*Kulturkreise*) Ф. Грэбнера и У. Риверса и то, что докладчик обозначил, как *reductio ad absurdum* (лат. «доведение до абсурда») — теоретические грезы Г.Э. Смита и У. Дж. Перри.

Нью-йоркский ученый видел преимущества антропологии, которую представлял, в том, что «та критична постольку, поскольку отвергает крайности спекулятивного эволюционизма и диффузионизма»; исторична потому, что прибегают «к историческим реконструкциям только на основе особенных доказательств, а не спекулятивных вероятностей или правдоподобий» и психологична из-за того, что «постоянно следит за процессами взаимопроникновения культурных особенностей и рассматривает диффузию не как механический перенос, но как процесс в сущности психологический» (Goldenweiser 1925: 38; Kan 2023: 101–102).

Отметим, что критика Грэбнера в докладе практически не выходила из руслу, проложенного Боасом, начиная с рецензии последнего на грэбнерскую «*Methoden der Ethnologie*», на что и указывала одна из ссылок.

Так еще наставник Гольденвейзера критиковал диффузионистов прежде всего за их уверенность в «абсолютной идентичности психологических условий» человечества, что означало, как он считал, недооценку ими ментального и, наоборот, преувеличение роли природного (Boas 1911; 1940: 297). Сам же «Голди» в более ранней статье, вышедшей вслед за боасовской рецензией (Goldenweiser 1913), разъяснял, что при встрече одной культуры с другой автоматического заимствования идей и практик не происходит, а все зависит от восприимчивости общества и в конечном итоге от ряда психологических и социальных факторов (Kan 2023: 64–65).

Другой важной работой периода Кан считает «Раннюю цивилизацию» (Goldenweiser 1922) — фактически первый в США учебник антропологии, родившийся из курса лекций, прочитанных Гольденвейзером в нью-йоркской

Новой школе социальных исследований (New School for Social Research). Книгу хорошо приняли, и наш историограф приводит целый список позитивных рецензий (см.: *Barnes* 1922; *Goddard* 1923; *Parsons* 1923). Добавим, обратили на нее взоры и в России, но с большим опозданием (*Токарев* 1978: 263–265; также: *Клейн* 2014: 331–332). В тексте пособия так определялись основополагающие для всякой цивилизации факторы:

...креативность индивида, которая ответственна за возникновение культурных форм; психологическая и социологическая инерция, которая определяет институционализм и культурную стабильность; и исторические взаимоотношения между человеческими группами, которые стимулируют изменения и определяют распространение и обмен идеями и товарами (*Goldenweiser* 1922: 300–301; *Kan* 2023: 102–103).

При этом «Голди» особо подчеркивал, что все эти факторы имеют отношение к психологии, социологии, истории, но меньше всего к физической (географической) среде.

Более всего всем запомнилась первая часть «Ранней цивилизации», содержащая пять примеров различных культур: эскимосов («случай приспособления к среде», *Goldenweiser* 1922: 34–52); тлинкитов и хайда Северо-Западного побережья (*Ibid.*: 53–69); «ирокезского матриархата» (*Ibid.*: 70–82); баганда (Уганда, «государство в Африке», *Ibid.*: 83–99) и «сообщества, заикленного на магии» в Центральной Австралии (аранта, диери и др., *Ibid.*: 100–114). Их сравнение позволило автору сделать несколько важных выводов. С одной стороны, в каждой присутствуют все аспекты, характеризующие человеческую цивилизацию в целом, включая нашу собственную (религия, искусство, социальная и политическая организация и др.), что явно свидетельствует о единстве человечества, проявляющемся не только в психологии, но и в прочих аспектах. С другой — у каждой такой культуры (цивилизации) свой фокус. Последнее стало возможным благодаря относительной изолированности ранних цивилизаций в сравнении с современными. Однако нельзя ставить знак равенства между их локальной спецификой и знакомой нам хозяйственной специализацией. Все пять по-прежнему представляют собой «народные цивилизации» (*folk civilizations*), в которых индивид не настолько свободен от общественного мнения, норм и обычаев группы, чтобы выступать в качестве заметной единицы цивилизационного процесса. И культурные особенности любой из них гораздо равномернее распределены среди отдельных членов группы, чем это бывает в современном обществе (*Ibid.*: 117–118).

Главное же в том, что сравнение эскимосов, тлинкитов и других показывает тщетность эволюционного подхода (теории ступеней). В самом деле, у первых экономические и производственные аспекты цивилизации достаточно развиты и идеально подогнаны под требования среды, демонстрируя некий предел возможного развития. Но при этом их социальная жизнь чрезвычайно проста. Тлинкиты и хайда — явно лучшие в развитии декоративного искусства, но баганда, недотягивающие техническим и художественным исполнением своих промышленных изделий, тем не менее наиболее продвинуты в политическом устройстве. Хотя ирокезы также достигли развитой формы политической интеграции, однако на совершенно иных основаниях — конфе-

деративный тип политической структуры абсолютно чужд Африке. В случае аборигенов Центральной Австралии мы вроде бы сталкиваемся с культурой, находившейся в самом низу шкалы со всех точек зрения, кроме одной — она также обладает сложнейшей социальной организацией (Ibid.: 125–127).

Разумеется, плотность населения в Африке коррелирует с определенным этапом экономического развития, для которого характерно появление рынков и дорог, а последние напрямую связаны с развитием территориальности и государства (ср. роль дорожного строительства в истории Рима). На Северо-Западном побережье искусства не смогли бы достичь настолько высокого уровня сложности и совершенства без достаточно продвинутой техники обработки дерева: «Но помимо таких очень общих, довольно очевидных и не очень впечатляющих корреляций, — заключал Гольденвейзер, — отдельные элементы цивилизации, кажется, в каждом случае движутся вперед под влиянием различных факторов и демонстрируют самые разные черты развития и прогресса» (Ibid.: 128).

В учебнике «Голди» нашлось место и для критики взглядов предшественников: Г. Спенсера, Дж. Фрэзера, В. Вундта, Л. Леви-Брюля и З. Фрейда. Обо всех них он уже писал, кроме Фрейда. Последний, при всем нескрываемом интересе Гольденвейзера к его учению, все-таки претил ему своей интерпретацией тотемизма и табуистических практик, а в особенности — фундаментальной аналогией между психологией современного невротика и первобытного человека. Ведь «предположение о психической преемственности между поколениями суть лишь заманчивая фантазия, и готовность принять ее за истину перед лицом противоречивых исторических и биологических свидетельств вполне может рассматриваться как курьезный пример того всемогущества мысли, которое Фрейд считает характерным для психической жизни примитивного человека и невротика» (Goldenweiser 1922: 398; Kan 2023: 103).

В целом в кановском исследовании приведена афористически точная интерпретация содержания этой книги: «В работе обсуждается „ранняя цивилизация“ (т. е. незападная культура) с точки зрения боасовской антропологии» (Kan 2023: 102). Однако в одном случае в рассуждениях Гольденвейзера о том, насколько очевидна неразрывность каждой из «тестовых» культур с более широкой географической территорией (континентом), Кан склонен видеть еще и «некоторое влияние концепции культурного ареала (*culture area*) Боаса» (Ibid.: 102), чем, на наш взгляд, только запутывает читателя. Дело в том, что приписывание Боасу авторства этой концепции представляет собой расхожее заблуждение, особенно характерное для отечественной науки (ср.: Токарев 1959: 53, Андрианов, Чебоксаров 1972: 5). Отчасти оно связано также с ошибочной трактовкой боасовской антропологии как разновидности диффузионизма (см. Аверкиева 1932: 99, Николаев 2004: 951 и др.), несмотря на неоднократную критику указанного направления, высказанную главой исторической школы, о чем упоминалось выше.

Начнем с мнения самого Гольденвейзера на этот счет. В «Ранней цивилизации» о культурных ареалах сказано немного, лишь то, что существует тенденция объединять артефакты, способы их изготовления или использования в определенные «ограниченные области» (*limited areas*); и что наиболее четко «так называемые культурные ареалы (*culture areas*)» изучены в Северной

Америке; причем дается ссылка на работу Кларка Уисслера — антрополога не совсем боасовского круга, с именем которого действительно более всего ассоциируется концепция (*Goldenweiser 1922: 136, note 1*). В другом месте автор учебника совершенно справедливо предлагает различать *Kulturkreise* Грэбнера и культурные ареалы американских антропологов: «[В] то время как последние представляют собой концептуализированные описания культурных комплексов, составляющих действительные географические и исторические единицы, *Kulturkreise* Грэбнера суть чисто гипотетические реконструкции, выведенные из географического распределения отдельных элементов культуры» (*Ibid.: 312, note 1*).

Гораздо больше о культурных ареалах говорится в докладе о диффузионизме и американской школе, уже рассмотренном выше. В нем «Голди» начинает как раз с истории концепции, которая, по его мнению, «не нова и не американского происхождения» (*Goldenweiser 1925: 34*). Будто бы «географические провинции» А. Бастиана, внутри которых «элементарные идеи» (*Elementargedanken*) человечества под влиянием окружающей среды и исторических условий трансформировались в «представления народов» (*Völkergedanken*), — это уже что-то близкое. Позднее Боас в бытность музейным куратором антропологии действительно применил подобный подход с чисто прагматической целью — для систематизации музейных коллекций: «Образцы, казалось, сами ранжировались по группам, которые соответствовали географическим ареалам. Уже в начале новый принцип классификации быстро продвинулся вперед. Другие подхватили его» (*Ibid.: 34–35*).

И на этот раз перечисление упиралось в классическую работу Уисслера «American Indian» (*Ibid.: 35*). Возвращаясь к Боасу, вспомним, что его антидиффузионистские настроения с возрастом лишь усиливались. Конкретно же против концепции «культура-ареал», предполагавшей, что диффузия протекает единообразно внутри всего культурного ареала от центра к периферии, и особенно против другой, производной от нее, «возраст-ареал» (*age area*) — мол, признаки, распространившиеся дальше, всегда еще и древнее, — лидер исторической школы выскажет свое скептическое отношение уже после выхода анализируемых работ Гольденвейзера. Это будет ответом на новые публикации Уисслера и Крёбера, которые являлись и остаются основными теоретиками и приверженцами столь дискуссионного подхода (см.: *Boas 1924: 340–344, Boas 1927: 6; Stocking 1992: 135–136*).

Можно было бы еще добавить, что гольденвейзеровское исследование пяти упомянутых культур не только наилучшим образом воплощает культурный релятивизм Боаса, но и сильно напоминает своим дизайном «Patterns of Culture» Рут Бенедикт (*Benedict 1935*), с отдельными черками, посвященными зуни, добуанцам и квакиутль (*совр. квакваквавакв, Kwakwaka'wakw*). Вряд ли здесь случайное совпадение. Бестселлер Бенедикт выйдет 13 годами позже «Ранней цивилизации». «Голди» уже станет кем-то вроде *persona non grata* для нью-йоркской тусовки, и авторка вправе будет не выражать непременные «признательности» вдохновителю каркаса идей, который она использовала. Хотя из исследования Кана понятно, что в ряду студентов Гольденвейзера по Нью-Скул — Александра Лессера, Лесли Уайта, Мелвилла Джэкобса, Эйба Кардинера, Мелвилла Херсковица, Джейн Уэлтфиш, Рут Ландес и других — будущая зачинательница направления «культура и личность» занимала

особое место. Более того, выходит, что сама идея модели (*pattern*) культуры открылась ей благодаря размышлениям «Голди» над тотемизмом (Kan 2023: 92–94).

Продолжим, однако, недосказанное. Явный психологический крен антропологии Гольденвейзера все же еще существенно отличается от психологизма Бенедикт. В его учебнике есть вывод, ставящий надежный заслон поискам «базисной структуры личности», ницшеанских аполлонических и дионисийских типов, попыткам объяснять стремление к престижу у кваквашавакв их мегаломанией и проч.: «Особенности цивилизации, которые делают ее примитивной, не могут быть выведены из каких-либо психологических черт раннего человека как индивида» (Goldenweiser 1922: 123).

Не менее красноречива в этом смысле и идея «народной цивилизации» (см. выше): культуры эскимосов, хайда, ирокезов, баганда или аранта нельзя принимать за непосредственное отражение психологии их носителей. Поскольку все эти цивилизации представляют собой старые формации, то и культурные элементы, проявляющиеся в жизни каждого из поколений, происходят из прошлого, составляя часть совокупного традиционного фона (Ibid.: 115–116).

Последнее десятилетие отнюдь не стало триумфальным или прорывным для Гольденвейзера как ученого. Тем не менее продолжали выходить его работы, среди которых не только статьи, но и три книги, а также тематический сборник из ранее опубликованного. Более других заслуживающими внимания Кан признает две, и первая — «Loose Ends of Theory on the Individual, Pattern, and Involution in Primitive Society», вошедшая в *festschrift*, чествующий Крёбера. Безусловно, статью, скорее статейку (всего-то пятистраничную), надо рассматривать как попытку встроиться в набирающую силу дискуссию о культуре и личности. В ней «Голди» признавал существование в первобытных сообществах полноценной индивидуальности, которая, несмотря на доминирование культурных паттернов, все же обладает значительным пространством для самовыражения — в частности, в религиозной жизни и художественном творчестве: «Что может быть содержанием такого опыта, полностью ли он конвенционален, или поистине оригинален, или же частично и то, и другое, является всецело отличной проблемой. Чем бы ни было содержание, оно его собственное и считается таковым... Отдельно от общества человек, не будучи роботом, живет как индивид» (Goldenweiser 1936: 99–101; Kan 2023: 157–158).

«Роботам» посвящена «по-настоящему самая оригинальная» книга Гольденвейзера, точнее брошюра, даже без библиографического аппарата — «Robots or Gods: An Essay on Craft and Mind» (Goldenweiser 1931). По собственному признанию ее автора, это был «личный вклад», но все же с идеями, навеянными чтением фантаста Дж.Б. Кейбелла и философов Дж. Дьюи и Дж. Сантаяны (Ibid.: ii). Если придерживаться текста, то за мышлением ремесленника стоит практическое, инструментальное поведение, в отличие от интуитивного мышления, не в такой степени дисциплинированного опытом. Указанную дихотомию «Голди» пытался проследить в самых различных областях: мастерство и колдовство, ремесло и ученость и т.д. Но наиболее интересные мысли содержит глава, продолжающая это различие в языке, где отчетливо противопоставляются грамматика и лексика:

Слова появляются у края концептуальных и эмоциональных оборотов. Информированные и обманывающие, богатые, игривые, капризные и раздражающие, они танцуют в вечном маскараде не слишком верными слугами человеческого безумия, резко контрастируя с грамматикой, которая, будучи удалена и от проблеска, и от смятения сознания, пунктуально выполняет свои унылые повседневные труды как инструмент коммуникации (Ibid. 107; *Kan* 2023: 160).

Грамматика — лишь инструмент, она безлична, ее категории просто рациональны; с помощью слова же человек выражает себя. Кан, опираясь на мнение одного из своих консультантов, Роберта Брайтмена, известного исследованиями скальных кри (Rocky Cree) и феномена виндиго, осторожно дает понять, что подобное наблюдение способно было даже предвосхитить некоторые более поздние лингвистические идеи, скажем, о речевых нарушениях, иронии и т. д. (*Kan* 2023: 160–161).

Это не первая попытка из нашего времени разглядеть в той лингвистике что-то трансцендентально ценное. Например, известно, что Боас во вводной части своего прославленного «*Handbook of American Indian Languages*» настаивал на взаимообусловленности фонетики и внутренней структуры языка (Boas 1911), что, конечно же, перекликается с хомскианством, вернувшимся к рассмотрению фонологии под углом зрения грамматики только на следующем витке истории лингвистической науки. С другой стороны, боасовская лингвистика как будто бы не принимала открытие фонемы, которое, как теперь видно, уводило поиски совершенно в другом направлении (Postal 1966: 756). Приходится согласиться с Дж. Стокингом, считавшим, что именно самообразование Боаса освобождало его от предрассудков тогдашней лингвистики (Stocking 1974: 58–59). Несомненно, это же относится и к его ученикам, исключая, конечно, Сэпира.

Но Гольденвейзер выступил таким провидцем не только в вышеназванной работе. В том же ключе можно рассматривать и его обзор антропологических теорий происхождения политики, снова содержащий критику сложившегося взгляда на социальную эволюцию. Так, по его мнению, государство представляет собой совершенно особое явление — результат совмещения «правовых, религиозных, экономических и других культурных функций» в одном или ограниченном наборе институтов, тогда как политические институты «примитивного общества» разделялись между различными единицами, конституирующими «социальный агрегат» (*social aggregate*), — кланами, религиозными обществами и проч. Поэтому появление современного государства правильнее рассматривать не как эволюционный скачок в развитии социального порядка, а лишь как новый способ организации «конституирующих единиц» общества, вызванный войнами, территориальной экспансией и экономическими изменениями, то есть сугубо историческими обстоятельствами (Goldenweiser 1924: 435, 454–455; *Kan* 2023: 104–105). Можно лишь удивляться, насколько эти мысли созвучны рассуждениям таких современных антропологов, как Маршалл Салинз и Дэвид Гребер, ср.:

Оглядываясь назад, мы вполне можем обнаружить, что «государство» <...> вообще никогда не существовало — либо в лучшем случае возникло в результате случайного сочетания элементов совершенно

гетерогенной природы (суверенитет, администрация, конкурентное политическое поле и т.д.), которые сошлись вместе в определенных местах в определенное время, но сегодня в значительной степени снова отдаляются друг от друга (*Гребер, Салинз 2025: 38*).

Любопытная коллизия связана с самой последней книгой «Голди» «*Anthropology. An Introduction to Primitive Culture*» (*Goldenweiser 1937*). К этому времени его переписка с Боасом практически иссякла. Однако накануне, в письме от 8 августа 1936 г., как и прежде жалуясь на жизнь, он все-таки попросил у того разрешения использовать в работе над своим новым учебником антропологии кое-что из боасовских публикаций и иллюстрации из «*Primitive Arts*» (*Boas 1927*). Дальше он отправил нью-йоркскому мэтру экземпляр только что вышедшей книги, на что Боас ответил словами благодарности, «...а затем сделал своеобразный запрос: интересуясь вопросом о том, увеличивается ли ширина лица индивида с возрастом, он попросил Гольденвейзера измерить свое лицо и прислать ему результаты» (*Boas to Goldenweiser, May 24, 1937; Kan 2023: 155–156*). У верного ученика не было причин отказать «папе Францу» в его просьбе. На этом Кан, оборвав рассуждения, переключается на другую тему.

Но сюжет на самом деле интересный и не без пикантной подробности. Если проследить, как Боас распорядился с полученными обмерами, необходимыми ему для решения проблемы влияния среды на физическое развитие человека, то выходит, что они были использованы, вероятнее всего, в статье «*Age Changes and Secular Changes in Anthropometric Measurements*» (*Boas 1940*), которая, в свою очередь, стала итогом многолетних наблюдений за возрастными изменениями у мигрантов, в том числе русских евреев. А это значит, что и ранее, еще в 1909 г., в возрасте 29 лет, Гольденвейзер был интересен своему ментору не только тем, что ассистировал ему, как пишет Кан (*Kan 2023: 16*), но и как объект исследования, предоставляя для описанных целей собственную голову.

Кстати, подписанный «Голди» экземпляр «*Антропологии*» из боасовской личной библиотеки, в итоге оказался в библиотеке Северо-Западного университета (Эванстон, шт. Иллинойс) — в собрании, к формированию которого был причастен еще один ученик Боаса — М. Херсковиц, надо полагать, каким-то образом связанный с этой историей.

***

Коснемся все-таки причин падения нашего героя: он начинал помощником, лектором и инструктором в *alma mater* боасовцев — «плющевом» Колумбийском университете (1910–1919); лишившись контракта, перешел на ступеньку ниже, в престижную, но без лоска Нью-Скул (1919–1925), параллельно подрабатывая в Школе социальных наук Рэнда у соцпартии (1915–1929); затем вынужден был покинуть и эти образовательные учреждения, довольствуясь одной почасовкой в провинциальном Университете Орегона (1930–1932) и, наконец, осев в сравнительно неплохом Рид-Колледже (1933–1934). Лишь в последнюю пятилетку рейтинговая кривая мест, где его принимали приглашенным профессором, отчетливо поползла вверх: Стэнфорд (1935), Университет штата Нью-Йорк в Буффало (1936), Университет Висконсина-Мэдисон

(1937–1938), Чикагский университет (в последнем случае воспользоваться представившейся возможностью помешала ему смерть).

На вопрос, что же стряслось тогда, в апреле 1918 г., в офисах и на кампусе Колумбийского университета, автор рецензируемого труда отвечает очень взвешено, избегая как шаблонных оценок, так и огульных обвинений: «[В] опреки преобладающему среди ученых взгляду о том, что за решением Батлера позволить уйти Голди, стоял в основном антисемитизм, мое собственное расследование вскрывает несколько отличающуюся картину» (*Kan* 2023: 53).

Да, известно, что именно в президентство (ректорство) республиканца Николаса Батлера вверенный ему университет первым в стране перешел к квотам, опасаясь «вторжения еврейских студентов», и доля последних действительно снизилась с 40% до 20% (*Farnum* 1990: 81–82). Но на него до сих пор нет ничего серьезного, что могло бы иметь отношение к т. н. делу Гольденвейзера («Goldenweiser's affair»), кроме переписки с Боасом, последовательно убеждавшим, что его русскому ученику все-таки надо продлить контракт. Розмари Замуолт, второй консультант Кана, предоставила ему еще одно письмо 1917 г., из текста которого очевидно, что «Шуру» затягивали события на родине, что должно было раздражать начальство, но не больше: «Гольденвейзер, конечно же, чрезвычайно счастлив после «Революции», но нам нужно держаться подальше от военной темы», — писал Крёберу археолог Нельсон (*Kan* 2023: 205, note 21; *Zumwalt* 2023: 183–184).

«Хоть я и не нашел прямых заявлений Батлера об антропологии Боаса, не кажется, что консервативный и автократичный президент Колумбии высоко бы ее ценил», — осторожничает Кан, проверяя версию о том, что причиной увольнения «Голди» могла стать опала его руководителя, — ясно, что он [Батлер] не был счастлив от либеральных, леваческих взглядов профессора антропологии» (*Ibid.*: 48; об интерпретации в книге политических вкусов лидера исторической школы см. выше). Известно, однако, другое: «Nicholas Miraculous» (Николай Чудесный, почти Чудотворец) с готовностью брал Боаса на работу, принимая все условия, и когда антрополог был еще совместителем (сам Батлер являлся тогда деканом), и когда тот полностью перешел в университет, расквитавшись с музеем (*Cole* 1999: 181, 243–244). Более того, не кто иной, как Боас, в полемике с банкиром и меценатом Якобом Шиффом отрицал, что Колумбийский университет проявляет предвзятость при найме преподавателей, — сам он ни с чем подобным не сталкивался (*Ibid.*: 281, 331, note 15).

Другое дело — тогдашний боасовский пацифизм, в котором официально выделось проявление германофильства. В годы Первой мировой войны президент-долгожитель Колумбии, в будущем лауреат Нобелевской премии мира (1931), свернул всю деятельность университетского Общества германистики и уволил профессора психологии Дж. Мак-Кина Кэттелла, направившего по копии своего письма-протеста против вступления США в войну каждому сенатору и конгрессмену (*Lesser* 1981: 14–15; *Hyatt* 1990: 126–127). Вполне естественно, если бы Батлер пожелал прикрыть у себя «немецко-еврейскую» лавочку из боасовских антропологов. Но об этом факты не говорят тоже. Согласно все тому же письму Нельсона Крёберу:

Боас не способен держаться подальше от газет, и, конечно же, после этого патриоты побивают его 2–3 недели... Кто-то из его класса недавно ушел. Фактически дела так далеко зашли, что Колумбия назначила комитет, чтобы расследовать, какие преподаются крамольные доктрины, но это может и не быть направлено против [Боаса]. Не знаю, как там дела в твоих Bay Cities (Сан-Франциско-Беркли-Окленд — *И. К.*), но здесь настроения кристаллизуются быстро, и линии прочерчиваются довольно резко (*Zumwalt 2023: 183–184*).

Батлер терпел Боаса даже после того, как тот опубликовал в «*The Nation*» свою скандальную статью «Ученые как шпионы» (*Boas 1919*) и был исключен из Исполнительного совета Американской антропологической ассоциации и правительственного Бюро американской этнологии при Смитсоновском институте. Колумбийскому президенту доносили все боасовские недруги (У.Г. Холмс, Н. Джадд и др.), но отвечал он лишь в истинно бюрократическом духе: «Джентльмен, о котором Вы спрашиваете, склонен к крайним и глупым высказываниям, но, поскольку он так близок к выходу на пенсию, возможно, лучшей политикой будет закрыть глаза на его недостатки» (*Zumwalt 2023: 213*). После этой коды «джентльмен» проработает еще 17 лет!

Так что наиболее близка к истине была, вероятно, Франциска Боас, полагавшая, что на самом деле в лице ее отца «Батлеру нравилось иметь оппозицию у себя на заднем дворе» (*Franziska Boas 1972; Hyatt 1999: 134*). В таком случае прав и Кан, когда заключает: «По всей видимости, именно поведение самого Гольденвейзера во многом стало причиной его падения» (*Kan 2023: 53*). А коллег, к примеру, Радина, могло раздражать в нем действительно многое — что занимал деньги и не отдавал, не возвращал библиотечные книги, запойно пил, не платил взносы преподавательскому клубу и т. д. (*Ibid.: 53–54*).

Еще нелепее выглядят обстоятельства потери Гольденвейзером работы в Нью-Скул. В 1921–1922 гг. он закрутил серьезный роман с молодой секретаршей Энн Купер и бросил Анну Головчинер-Хэллоу (1878–1952), с которой сочетался браком еще в 1906 г. Законная жена пожаловалась директору Элвину Джонсону, потребовав, чтобы за аморалку «сукину сыну» запретили чтение лекций, а не то она лично с револьвером посетит класс и выстрелит горе-лектору «в кишки» (*Ibid.: 127*). В довершении всего она подала в суд, обвинив мужа в «дезертирстве, жестокости», «любовных связях с другими женщинами, которым он писал и от которых получал любовные послания» (*Ibid.: 129*) — действительно Бенедикт рассказывала Мид, как он пытался флиртовать с ней и при этом демонстрировал любовные письма от разных женщин (*Ibid.: 93*). В гневе «фурия» потребовала посадить мужа, чтобы он не убежал из страны и не отлынивал от выплаты алиментов ей и дочери Элис (*Ibid.: 128–129*).

В неприличные разборки было вовлечено практически все окружение. Сам «папа Франц» разрабатывал планы помощи Гольденвейзеру, угодившему в каталажку, собрал для него какие-никакие деньги, рекомендовал в университеты подальше от Нью-Йорка... В том числе благодаря этим усилиям «Голди» получил работу в Портленде (штат Орегон) и осел там, обзаведясь новой женой — Этель Кантор (род. 1897), сестрой своего бывшего студента по Колумбийскому университету. «Если кому-то нужно напоминание о неких

внешних обстоятельствах, которые делают невозможным свести историю антропологии или любой другой области к истории идей, то оно здесь», — подчеркивают Дарнелл и Оппенхейм, представляя труд Кана аудитории (*Kan* 2023: xii). Скандальный развод сыграл в профессиональном развитии его героя роль куда значительнее, чем антисемитизм Батлера!

Самая короткая глава 5 «Конец» посвящена не только последней паре лет жизни удивительно легкомысленного и талантливейшего человека, но и призвана подвести общий итог. Читатель оказывается перед выводом автора, почему же все-таки Александр Гольденвейзер назван им «восставшим» боасовцем, «бунтарем» (*maverick*), как значится уже на титуле? В этой метафоре, очевидно, просматривается аллюзия к известной типологии Стокинга, разделявшего последователей учения Боаса на «строгих» (Лоуи–Спайер–Херскович), время от времени «восстающих» (Крёбер–Сэпир–Радин), а также «развившихся, эволюционировавших» (Бенедикт–Мид) (*Stocking* 1989: 17). Вполне наглядна дистанция между, с одной стороны, исследованиями культуры и личности, а с другой, антропологией самого основателя исторической школы. Тройка же в лице Крёбера, Сэпира и Радина не раз попадала под его жесткую, но неизменно корректную критику. И, по крайней мере, с первым из них отношения учителя в конце концов действительно испортились.

Но любимый русский ученик — совсем другое дело. Как же он восставал, если сам собственными действиями доказывал, что являлся настоящим боасовцем, заботясь о правильном понимании постулатов тогдашней американской антропологии в целом ряде своих публикаций? Примеров последнего приведено в книге достаточно. Бурный фонтан его идей тоже вряд ли переливался уж совсем через край «боасовской научной парадигмы» (Кан).

К слову, Радин, как и другие, встревоженный «вопросом о Голди и Лоуи» (*matter about Goldie & Lowie*), писал Сэпиру: «Превосходна „методология“, на которой он (Боас — *И. К.*) довольно правильно настаивает, им же сформулированная; она составит одно из его достижений, но это только начало. Голди, если он не высунется (*doesn't look out*), пойдет по его стопам, не имея боасовского оправдания» (Radin to Sapir, Jan. 27, 1914; *Arndt* 1998: 4–5).

Приведенные слова предваряла констатация: от внимания Боаса все же ускользнули важные проблемы, такие как личность или мифология как литературное произведение, которыми придется заняться им, а не учителю. В этом контексте Гольденвейзер выделялся тому же Радину, а значит ближайшему своему окружению, вполне ординарным сторонником Боаса, и вовсе не бунтарем, и не ренегатом. Автор письма прописывает также нюансы во взглядах, вернее, научных пристрастиях членов их команды:

...[М]ы, антропологи, т.е. четыре семита, защитившихся у Боаса (вкл. адресанта и адресата, Сэпира, Лоуи и Гольденвейзера — *И. К.*), суть необычное объединение людей и зацикленная на себе группка (*self-centered set*), которая упорно потакает своим интеллектуальным прихотям, когда того требует дух. Тут я поношу тиранию современной науки, которая настаивает, чтобы ты делал оригинальное исследование и прорывную работу, когда для души и ума гораздо лучше полежать на спине и глазеть в небо Нью-Мексико, прогуляться по го-

рам или, что еще лучше, почитать историю греческую и латинскую, тогда как Лоуи еще недавно хотелось писать и читать философию, а Голди — читать книги наподобие Леви-Брюля и Дюркгейма (Radin to Sapir, Feb. 19, 1916; *Arndt* 1998: 5).

И всего-то. Но единственное, чем «Голди» по-настоящему выделялся, так это тем, что, вероятно, как никто из последователей исторической школы смог конвертировать теорию культуры в политическую философию. Здесь уместно вспомнить и его выступления на социалистических конференциях с критикой марксизма как экономического детерминизма, и публичные лекции, развенчивающие расизм (например, в Американском философском обществе вместе с Боасом), и ряд работ и заметок на соответствующие темы.

Рискуя предположить, что Кан просто подпал под магию своего старшего коллеги У. Фентона. Словами о Гольденвейзере, принадлежащими этому авторитетнейшему ученому, ирокезоведу, лично знавшему многих участников описанных событий, но никак не историку науки, и завершается данная книга: мол, наш герой, отстаивая «право прожить свою жизнь по своим собственным стандартам», ставил под сомнение «проницательность тех, кто был гигантами в его дни, не исключая собственного учителя Боаса», а это в свою очередь, «вкупе с его неспособностью соответствовать строгостям авторитета», объясняет, почему он так и не смог в полной мере опубликовать все, что написал (*Kan* 2023: 200). Но в таком случае «бунтарство» «Голди» надо искать опять-таки в плоскости индивидуальной психологии — в чем-то еще, но никак не в теории антропологии.

***

Примечательны методологические приемы, которыми пользуется автор рецензируемой книги. Уже в посвящении он упоминает двух своих преподавателей по Чикагскому университету, ныне ушедших — Рэя Фогельсона и Джорджа Стокинга. Очевидно, первому ученый обязан этноисторическим направлением в своих поисках, но, так сказать, за рамками рассматриваемого труда. Кроме того, статья Фогельсона (в соавторстве с Брайтмэном) послужила ему ориентиром в частном вопросе, связанном с проблематикой тотемизма. Естественно, нам важнее роль Стокинга — известнейшего историка антропологии. Кан справедливо причисляет себя к его ученикам, о чем и заявлял неоднократно по различным поводам.

Стокинг формулировал свой взгляд на профессиональное становление нашей науки, углубившись сначала в британскую антропологию, а в дальнейшем, и главным образом, в американскую. Вполне понятно, что сегодняшнее видение боасовского этапа развития дисциплины неотделимо от идей и даже имени Стокинга. Поэтому не выглядит курьезом, что некоторые его ученики и одновременно активные авторы томов из серии «History of Anthropology» (М. Банзл, А. Бэшкоу, Р. Хэндлер и др.) к началу 2000-х годов провозгласили «нео-боасианство» в качестве возможной перспективы выхода из постмодернистского тупика. Синтез Фуко и боасовско-стокинговского историзма, который они предлагали, уж точно не так анахроничен, как антропология Малиновского — в основе по-прежнему позитивистская (*Bashkow, et al.* 2004).

Кан хоть и не присоединился к упомянутой группе, но в своих трактовках разнообразных сюжетов заметно отличается от ревизионистов последнего поколения, превративших антропологию Боаса и его бывших студентов из преимущественно антиимпериалистической в имперскую, из антиэволюционистской в скрытую дарвинистскую, из антирасистской, как минимум, в расалистскую. Как было показано в самом начале, наш автор все еще не видит своих умозаключений и выводов в отрыве от подлинных свидетельств, почерпнутых из архивных документов. Основу его исследовательского кредо, очевидно, составляет все тот же историзм, выраженный в знаменитой, состоящей из дихотомий, стокингской программе — надо стремиться к отображению процесса, а не просто последовательности событий; к поиску контекста, а не аналогий; к осмыслению, а не мертвой мысли; к постижению, а не суждению и т. д. (*Stocking* 1968: 3 et al).

Но Кан внимателен также к призывам обновить язык письма своей истории антропологии, которые исходят, в частности, от Дарнелл — исследовательницы, лидирующей после Стокинга. Она, к примеру, настаивает на придании научным биографиям большей интимности, создающей ощущение автобиографичности, и полифонического звучания, стусшеывающего границы, присущие субъектно-объектному противопоставлению (*Darnell, Murray* 2019: xii). И кановский «Шура»–«Голди» прекрасно соответствует этому запросу: в нем гораздо больше личного, чем в изображении Боаса или кого-либо еще у Стокинга. Справедливости ради, заметим, что такой подход, отдаленно напоминающий стиль ЖЗЛ, не был чужд и стокингским авторам до Дарнелл, таким как Даг Коул.

Однако текст книги угодил и в прокрустово ложе постколониальной критики и дебатов новейшей эпохи культурных войн. Автор тестирует своего героя по злободневным вопросам — его чикагский ментор назвал бы все это уступкой презентизму, — и выясняется, например, что Гольденвейзер (как и прочие боасовцы), в общем скептически отнесся к реформам главы Бюро по делам индейцев рузвельтовской администрации Дж. Колльера в том, что касается суверенитета индейских наций, но горячо приветствовал его «Новый курс» как торжество справедливости после пагубного Акта Доза (1887) — «оружия культурного разрушения» (*Kan* 2023: 163–164). В решении «проблемы негров» «Голди» был также весьма умерен, искренне ненавидя расизм, но настороженно относясь к набирающему силу черному национализму, как и всякому прочему — русскому, еврейскому, американскому (*Ibid.*: 113–116). Что же касается «sexual harassment», то, как было показано выше, сегодня антрополог стал бы образцом того, как нельзя вести себя в академической среде! Единственный вывод — Гольденвейзер был и не мог не быть человеком своего времени.

Видно, не отогнать дум о судьбе того метода, который мы все разделяем. Теперь уже видно, что история антропологии так и не стала наукой с суверенными границами, как и не дотянула до того, чтобы быть легитимной саморефлексией антропологии в других ее доменах, например, в российском, оставаясь в планетарном масштабе всего лишь частной «прививкой историей» (Дарнелл). И дело здесь не только в волне деконструкций, предпринятых злозненными «по-мо».

В самом наследии Стокинга есть нечто, что провоцирует произвол выводов и интерпретаций. И это нечто — преимущественно рамочный характер его принципов. Подозреваю, что всякого, кто берется разрабатывать историографическую тему, успешно доводит ее вплоть до личности ученого, высвеченной фокусом исследования, нет-нет да и посещают сомнения — что с этим делать дальше? Так и остается открытым пресловутый вопрос о долевом участии в появлении научных теорий: с одной стороны, всех этих надежно реконструированных исторических контекстов, сдвигов парадигм и тому подобного, а с другой — первозданного субъективизма, так сказать, протугуберанцев гения «научной звезды».

Конечно же, Стокинг компенсировал возникающие пустоты невероятной личной эрудицией и гибкостью мышления. Антропологи, увлекшись историей своей профессии, тем не менее, не решаются сделать последний шаг, чтобы развернуть уже имеющийся у них инструментарий (антропологический, социологический) в сторону своих же коллег. В изучении творчества и поведения последних они по-прежнему проходят мимо акторно-сетевых теорий, интерактивных цепочек, габитусов, символического капитала и чего бы то ни было еще. «Нео-боасианство» так и осталось декларацией. Кажется, в работе Кана описанная растерянность, как и сопутствующее напряжение, чувствуется во всех разобранных случаях недосказанности, недоговоренности, когда он просто бросает ту или иную сюжетную линию, обрывает, казалось бы, удачную идею.

Столь затянувшиеся рассуждения завершу тем, что, несмотря на все эти замечания, комментарии и дополнения, одно остается непреложным: хотелось бы увидеть книгу Кана — вне всякого сомнения, ценный вклад в историю нашей науки — напечатанной на русском языке в России. Входит ли это в планы автора? Под силу ли такое осуществить в нынешней ситуации? Не знаю. Но если все-таки работа над переводом «Восставшего боасовца» состоится, важно, чтобы это был именно перевод при участии автора, чтобы таким образом предотвратить появление огрехов, неизбежных, когда за работу над текстом берется человек, не столь глубоко погруженный в свою профессию, как Сергей Кан. Это и будет главной рекомендацией со стороны рецензента*.

* Пока готовился этот текст книга Сергея Кана о Гольденвейзере вышла в переводе с английского под редакцией автора в петербургском издательстве «Библиороссика», см. Кан С. Самый самобытный ученик Боаса. Жизнь и труды Александра Гольдвервейзера. СПб.: Библиороссика, 2026 (прим. ред.).

Литература

- Аверкиева Ю. П.* Индейцы Северной Америки. От родового общества к классовому. М.: Наука, 1974.
- Аверкиева Ю. П.* Современная американская этнография // Советская этнография. 1932. № 2. С. 97–102.
- Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н.* Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования // Советская этнография. 1972. № 2. С. 22–34.
- Гребер Д., Салинз М.* О королях / пер. с англ. М.: Ad Marginem, 2025.
- Ефимов А. В., Токарев С. А.* (ред.). Народы Америки. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1959 (серия «Народы мира»).
- Кан С. А.* Франц Боас и Советская Россия: 25 лет амбивалентности // Сибирские исторические исследования. 2021. № 1. С. 40–61.
- Клейн Л. С.* История антропологических учений. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2014.
- Леви-Строс К.* Первобытное мышление / Пер., вступ. ст. и прим. А.Б. Островского. М.: Республика, 1994.
- Николаев В. Г.* Антропология Альфреда Крёбера: основные штрихи // Крёбер А. Л. Избранное: Природа культуры / Пер. с англ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 933–975.
- Токарев С. А.* История зарубежной этнографии: Учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1978.
- Arndt G.* Burckhardtian Culture History and the «Durkheim-Mauss Bug» in Paul Radin's Letters to Edward Sapir. In: History of Anthropology Newsletter. Vol. 25. No. 1 (1998). Pp. 3–7.
- Barnes H. E.* Review of Early Civilization: An Introduction to Anthropology by A. Goldenweiser. In: New Republic, Nov. 29, 1922. Pp. 7–8.
- Bashkow I., Bunzl M., Handler R., Orta A., Rosenblatt D.* A New Boasian Anthropology: Theory for the 21st Century — Introduction. In: American Anthropologist. Vol. 106. No. 3 (2004). Pp. 433–434.
- Benedict R.* Patterns of Culture. Boston; New York: Houghton, Mifflin and Company, 1934.
- Boas F.* (ed.) Handbook of American Indian Languages, Pt.I. Washington, DC: Government Printing Office, 1911a (Bulletin No. 40, Bureau of American Ethnology).
- Boas F.* Review of Graebner's Methode der Ethnologie. In: Science, n.s. Vol. 34 (1911b). Pp. 804–810.
- Boas F.* The Origin of Totemism. In: American Anthropologist. Vol. 18 (1916). Pp. 319–326.

- Boas F.* Letter to the Editor: Scientists as Spies. In: *The Nation*. Vol. 109. No. 2842 (1919). P. 797.
- Boas F.* Evolution or Diffusion. In: *American Anthropologist*, n. s. Vol. 26 (1924). Pp. 340–344.
- Boas F.* *Primitive Art*. Oslo: Institutt for Sammenlignende Kulturforskning, 1927.
- Boas F.* *Race, Language and Culture*. New York: Macmillan Co., 1940a.
- Boas F.* Age Changes and Secular Changes in Anthropometric Measurements. In: *American Journal of Physical Anthropology*. Vol. 26 (1940b). Pp. 63–68 (Volume in honor of Aleš Hrdlička's 70th birthday).
- Cole D.* *Franz Boas. The Early Years, 1858–1906*. Seattle: University of Washington Press, 1999.
- Darnell R., Murray S.* Series Editors' Introduction. In: *Zumwalt R. Franz Boas: The Emergence of the Anthropologist*. Lincoln: University of Nebraska Press, 2019 (Critical Studies in the History of Anthropology). Pp. xi–xiii.
- Diamond S.* Paul Radin. In: *Totems and Teachers. Perspectives on the History of Anthropology / Sydel Silverman (ed.)*. New York: Columbia University Press, 1981. Pp. 68–71.
- Dobbin G.* *Digging for Goldie: Alexander Goldenweiser's Contributions and His Iroquois Notes*. Bachelor's thesis, Reed College, 1986.
- Farnum R.* Prestige in the Ivy League: Democratization and Discrimination at Penn and Columbia, 1890–1970. In: *Kingston P., Lewis L. (eds.) The High Status Track: Studies of Elite Schools and Stratification*. Albany: State University of New York Press, 1990. Pp. 75–103.
- Fenton W.* (ed.) *Social and Ceremonial Organization on the Six Nations Reserve in 1910*. Unpublished Goldenweiser notebooks, n. d.
- Goddard P. E.* Review of *Early Civilization: An Introduction to Anthropology* by A. Goldenweiser. In: *Journal of Philosophy*. Vol. 20. No. 10 (1923). Pp. 272–275.
- Goldenweiser A.* Totemism: An Analytical Study. In: *Journal of American Folklore*. Vol. 23. No. 88 (1910). Pp. 179–293.
- Goldenweiser A.* The Principle of Limited Possibilities in the Development of Culture. In: *Journal of American Folklore*. Vol. 26. No. 101 (1913). Pp. 259–290.
- Goldenweiser A.* On Iroquois Work. In: *Summary Reports, Geological Survey of Canada, Anthropological Division for the Calendar Year 1913–1914*. Ottawa, 1914. Pp. 365–372.
- Goldenweiser A.* Form and Content in Totemism. In: *American Anthropologist*. Vol. 20. No. 3 (1918). Pp. 280–295.
- Goldenweiser A.* *Early Civilization: An Introduction to Anthropology*. New York: Alfred A. Knopf, 1922.

- Goldenweiser A.* Anthropological Theories of Political Origins. In: A History of Political Theories: Recent Times / Charles E. Merriam and Harry Elmer Barnes (eds.). New York: Macmillan, 1924. Pp. 430–456.
- Goldenweiser A.* Diffusionism and the American School of Historical Ethnology. In: American Journal of Sociology. Vol. 31. No. 1 (1925). Pp. 19–38.
- Goldenweiser A.* Robots and Gods: An Essay on Craft and Mind. New York: Knopf, 1931.
- Goldenweiser A.* Loose Ends of Theory on the Individual, Pattern, and Involution in Primitive Society. In: Essays in Anthropology in Honor of Alfred Louis Kroeber / Robert H. Lowie (ed.). Berkeley: University of California Press, 1936. Pp. 99–104.
- Goldenweiser A.* Anthropology: An Introduction to Primitive Culture. New York: Crofts, 1937.
- Goldenweiser A.* Recent Trends in American Anthropology. In: American Anthropologist. Vol. 43. No. 2 (1941). Pp. 151–163.
- Grant B.* (ed.) The Social Organization of the Gilyak by Lev Shterberg. Seattle: University of Washington Press, 1999.
- Hyatt M.* Franz Boas, Social Activist: The Dynamics of Ethnicity. New York; Westport, Conn.: Greenwood Press, 1990 (Contributions to the Study of Anthropology, No. 6).
- Kan S.* The Falling-Out between Alexander Goldenweiser and Robert Lowie: Two Personalities, Two Visions of Anthropology. In: Corridor Talk to Culture History: Public Anthropology and Its Consequences / Regna Darnell and Frederic W. Gleach (eds.). Lincoln: University of Nebraska Press, 2015. Pp. 1–31 (Histories of Anthropology Annual, vol. 9).
- Kan S.* A Maverick Boasian: The Life and Work of Alexander A. Goldenweiser. Lincoln: University of Nebraska Press, 2023.
- Lesser A.* Franz Boas. In: Totems and Teachers. Perspectives on the History of Anthropology / Sydel Silverman (ed.). New York: Columbia University Press, 1981. Pp. 1–33.
- Lowie R.* A New Conception of Totemism. In: American Anthropologist. Vol. 13 (1911). Pp. 189–207.
- Lowie R.* Social Organization. In: American Journal of Sociology. Vol. 20 (1914). Pp. 68–97.
- Lowie R.* Primitive Society. New York: Horace Liveright, 1920.
- Parsons E. C.* Review of Early Civilization: An Introduction to Anthropology by Alexander Goldenweiser. In: American Anthropologist. Vol. 25. No. 4 (1923). Pp. 568–570.
- Postal P.* Boas: One Phonological Level or Two? In: American Anthropologist, n.s. Vol. 68. No. 3 (1966). Pp. 755–756.
- Radcliffe-Brown A.* The Definition of Totemism. In: Anthropos. Bd. 9, H ¾ (1914). Ss. 622–630.

- Radcliffe-Brown A.* The Social Organization of Australian Tribes. Sydney: University of Sydney, 1931 (Oceania Monographs, no. 1).
- Shapiro W.* Claude Lévi-Strauss Meets Alexander Goldenweiser: Boasian Anthropology and the Study of Totemism. In: *American Anthropologist*. Vol. 93 (1991). Pp. 599–610.
- Stocking G.* Race, Culture, and Evolution: Essays in the History of Anthropology. Chicago: University of Chicago Press Reprint Edition, 1982.
- Stocking G.* The Ethnographer's Magic and Other Essays in the History of Anthropology. Madison, Wis.; London, U. K.: University of Wisconsin Press, 1992.
- Stocking G.* (ed.) The Shaping of American Anthropology, 1883–1911. Chicago: Midway Reprint Edition, 1989.
- Taylor B.* Saul Bellow: Letters. New York: Viking, 2010.
- Zumwalt R. L.* Franz Boas: Shaping Anthropology and Fostering Social Justice. Lincoln: University of Nebraska, 2023 (Critical Studies in the History of Anthropology).

Book Review

Kuznetsov I. V. About Alexander Goldenweiser, Boasian anthropology and the book by S.A. Kahn [Ob Aleksandre Gol'denveizere, boasovskoi antropologii i knige S.A. Kana]. **Book Review: Kan S. A Maverick Boasian: The Life and Work of Alexander A. Goldenweiser.** Lincoln: University of Nebraska Press, 2023. *Антропологии / Anthropologies*, 2026, no 1, pp. 155–183, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2026-1/155-183>

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Kuznetsov I. V. | igorkuznet@gmail.com | <http://orcid.org/0000-0002-6947-244X> |

Associate Professor, Department of General History and International Relations, Kuban State University, Senior Research Fellow at the Institute of Ethnology and Anthropology (RAS).

References

- Andrianov, B.V. and Cheboksarov, N.N. 1972. Hoziaistvenno-kul'turnye tipy i problemy ikh kartografirovaniia [Socio-Economic and Cultural Types and Problems of Their Mapping]. *Sovetskaia etnografiia* 2: 22–34.
- Arndt, G. 1998. Burckhardtian Culture History and the «Durkheim-Mauss Bug» in Paul Radin's Letters to Edward Sapir. In *History of Anthropology Newsletter* 25 (1): 3–7.
- Averkiewa, Yu.P. 1932. Sovremennaia amerikanskaia etnografiia [Contemporary American Ethnography]. *Sovetskaia etnografiia* 2: 97–102.
- Averkiewa, Yu.P. 1974. *Indeitsy Severnoi Ameriki. Ot rodovogo obshchestva k klassovomu* [The Indians of North America: From Kinship-Based Society to Class Society]. Moscow: Nauka.

- Barnes, H.E. 1922. Review of *Early Civilization: An Introduction to Anthropology* by A. Goldenweiser. *New Republic*, Nov. 29: 7–8.
- Bashkow, I., et al. 2004. A New Boasian Anthropology: Theory for the 21st Century — Introduction. *American Anthropologist* 106 (3): 433–434.
- Benedict, R. 1934. *Patterns of Culture*. Boston; New York: Houghton, Mifflin and Company.
- Boas, F., ed. 1911a. *Handbook of American Indian Languages*. Pt.I. Washington, D.C: Government Printing Office.
- Boas, F. 1911b. Review of *Methode der Ethnologie* by F. Graebner. *Science*, n.s. 34: 804–810.
- Boas, F. 1916. The Origin of Totemism. *American Anthropologist* 18: 319–326.
- Boas, F. 1919. Letter to the Editor: Scientists as Spies. *The Nation* 109 (2842): 797.
- Boas, F. 1924. Evolution or Diffusion. *American Anthropologist*, n.s. 26: 340–344.
- Boas, F. 1927. *Primitive Art*. Oslo: Institutt for Sammenlignende Kulturforskning.
- Boas, F. 1940a. *Race, Language and Culture*. New York: Macmillan Co.
- Boas, F. 1940b. Age Changes and Secular Changes in Anthropometric Measurements. *American Journal of Physical Anthropology* 26: 63–68.
- Cole, D. 1999. *Franz Boas. The Early Years, 1858–1906*. Seattle: University of Washington Press.
- Darnell, R., and S. Murray. 2019. Series Editors' Introduction. *Franz Boas: The Emergence of the Anthropologist*, by R. Zumwalt, xi–xiii. Lincoln: University of Nebraska Press.
- Diamond, S. 1981. Paul Radin. *Totems and Teachers. Perspectives on the History of Anthropology*, edited by S. Silverman, 68–71. New York: Columbia University Press.
- Dobbin, G. 1986. Digging for Goldie: Alexander Goldenweiser's Contributions and His Iroquois Notes. BA diss., Reed College.
- Efimov, A.V. and Tokarev, S.A., eds. 1959. *Narody Ameriki* [Peoples of America]. Vol. 1. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.
- Farnum, R. 1990. Prestige in the Ivy League: Democratization and Discrimination at Penn and Columbia, 1890–1970. *The High Status Track: Studies of Elite Schools and Stratification*, edited by P. Kingston and L. Lewis, 75–103. Albany: State University of New York Press.
- Fenton, W., ed., n.d. *Social and Ceremonial Organization on the Six Nations Reserve in 1910*. Unpublished Goldenweiser notebooks.
- Goddard, P.E. 1923. Review of *Early Civilization: An Introduction to Anthropology* by A. Goldenweiser. *Journal of Philosophy* 20 (10): 272–275.

- Goldenweiser, A. 1910. Totemism: An Analytical Study. *Journal of American Folklore* 23 (88): 179–293.
- Goldenweiser, A. 1913. The Principle of Limited Possibilities in the Development of Culture. *Journal of American Folklore* 26 (101): 259–290.
- Goldenweiser, A. 1914. On Iroquois Work. *Summary Reports, Geological Survey of Canada, Anthropological Division for the Calendar Year 1913–1914*, 365–372. Ottawa.
- Goldenweiser, A. 1918. Form and Content in Totemism. *American Anthropologist* 20 (3): 280–295.
- Goldenweiser, A. 1922. *Early Civilization: An Introduction to Anthropology*. New York: Alfred A. Knopf.
- Goldenweiser, A. 1924. Anthropological Theories of Political Origins. *A History of Political Theories: Recent Times*, edited by Ch.E. Merriam and H.E. Barnes, 430–456. New York: Macmillan.
- Goldenweiser, A. 1925. Diffusionism and the American School of Historical Ethnology. *American Journal of Sociology* 31 (1): 19–38.
- Goldenweiser, A. 1931. *Robots and Gods: An Essay on Craft and Mind*. New York: Knopf.
- Goldenweiser, A. 1936. Loose Ends of Theory on the Individual, Pattern, and Involution in Primitive Society. *Essays in Anthropology in Honor of Alfred Louis Kroeber*, edited by R. Lowie, 99–104. Berkeley: University of California Press.
- Goldenweiser, A. 1937. *Anthropology: An Introduction to Primitive Culture*. New York: Crofts.
- Goldenweiser, A. 1941. Recent Trends in American Anthropology. *American Anthropologist* 43 (2): 151–163.
- Graeber, D. and M. Sahlins. (2017) 2025. *O koroliakh* [On Kings, Russian Translation]. Moscow: Ad Marginem.
- Grant, B., ed. 1999. *The Social Organization of the Gilyak*, by L. Shternberg. Seattle: University of Washington Press.
- Hyatt, M. 1990. *Franz Boas, Social Activist: The Dynamics of Ethnicity*. New York; Westport, Conn.: Greenwood Press.
- Kan, S. 2015. The Falling-Out between Alexander Goldenweiser and Robert Lowie: Two Personalities, Two Visions of Anthropology. *Corridor Talk to Culture History: Public Anthropology and Its Consequences*, edited by R. Darnell and F. Gleach, 1–31. Lincoln: University of Nebraska Press.
- Kan, S. 2021. Franz Boas i Sovetskaia Rossiia: 25 let ambivalentnosti [Franz Boas and Soviet Russia: Twenty-Five Years of Ambivalence]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia* 1: 40–61.

- Kan, S. 2023. *A Maverick Boasian: The Life and Work of Alexander A. Goldenweiser*. Lincoln: University of Nebraska Press.
- Klein, L.S. 2014. *Istoriia antropologicheskikh uchenii* [History of Anthropological Teachings]. St. Petersburg: Izdatel'stvo St.-Petersburg University.
- Lesser, A. 1981. Franz Boas. *Totems and Teachers. Perspectives on the History of Anthropology*, edited by S. Silverman, 1–33. New York: Columbia University Press.
- Levi-Strauss, C. (1962) 1994. *Pervobytnoe myshlenie* [Primitive Thoughts, Russian Translation]. Moscow: Respublika.
- Lowie, R. 1911. A New Conception of Totemism. *American Anthropologist* 13: 189–207.
- Lowie, R. 1914. Social Organization. *American Journal of Sociology* 20: 68–97.
- Lowie, R. 1920. *Primitive Society*. New York: Horace Liveright.
- Nikolaev, V.G. 2004. Antropologiya Al'freda Kroebera: osnovnye shtrikhi [The Anthropology of Alfred Kroeber: Key Features]. *A.L. Kroeber. Izbrannoe: Priroda kul'tury*, 933–975. Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsyklopediia (ROSSPEN).
- Parsons, E.C. 1923. Review of Early Civilization: An Introduction to Anthropology by A. Goldenweiser. *American Anthropologist* 25 (4): 568–570.
- Postal, P. 1966. Boas: One Phonological Level or Two? *American Anthropologist*, n.s. 68 (3): 755–756.
- Radcliffe-Brown, A. 1914. The Definition of Totemism. *Anthropos* 9 (3–4): 622–630.
- Radcliffe-Brown, A. 1931. *The Social Organization of Australian Tribes*. Sydney: University of Sydney.
- Shapiro, W. 1991. Claude Lévi-Strauss Meets Alexander Goldenweiser: Boasian Anthropology and the Study of Totemism. *American Anthropologist* 93: 599–610.
- Stocking, G. (1968) 1982. *Race, Culture, and Evolution: Essays in the History of Anthropology*. Chicago: University of Chicago Press Reprint Edition.
- Stocking, G. 1992. *The Ethnographer's Magic and Other Essays in the History of Anthropology*. Madison, Wisc.; London, U. K.: University of Wisconsin Press.
- Stocking, G., ed. (1974) 1989. *The Shaping of American Anthropology, 1883–1911*. Chicago: Midway Reprint Edition.
- Taylor, B. 2010. *Saul Bellow: Letters*. New York: Viking.
- Tokarev, S.A. 1978. *Istoriia zarubezhnoi etnografii: Uchebnoe posobie* [History of Foreign Ethnography: A Textbook]. Moscow: Vysshiaia shkola.
- Zumwalt, R. 2023. *Franz Boas: Shaping Anthropology and Fostering Social Justice*. Lincoln: University of Nebraska.

